

Перед нами альбом с надписью «Детский дом № 36, г. Карсун». Это альбом – о военном лихолетье, о трудных судьбах и о нравственном подвиге директора детского дома З.И. Карсунской. В нем – фотографии и письма, адресованные Галине Львовне Логиновой, воспитательнице детского дома, которая в течение долгого времени вела переписку с бывшими детдомовцами и собирала материалы о воспитанниках военных лет, о педагогах, воспитателях и директоре.

Мы – из сорок первого

Надя Макарова

Рая Долганова

Воспитанники д/д

Рая Юхина

В эпоху военных лет погружают нас драматичные воспоминания самой Галины Львовны, бывшей воспитанницы этого детского дома.

«Я, Логинова Галина Львовна, родилась 15 апреля 1928 года... В семье было четверо детей: сын Иван, дочери Клавдия, Галина, Лидия.

1933 год – год голодный. От голода и болезни умерла мать. Мне в то время было пять лет, а младшей сестре два года. Нас двоих отвезли на железнодорожный вокзал и оставили одних, без документов и голодных.

Вечером всех беспризорных собрали и отправили в детский приемник. А оттуда – по детским домам. Я попала в детский дом № 2 Куйбышева, а сестру отправили в детский дом № 21 Сызрань... В 1938 году перевезли в Карсунский детский дом № 36. Когда началась война, мы закончили 3-й класс...

В детский дом начали привозить детей с территорий, занятых немцами. Из одного детского дома сделали два: №№ 36 и 15. К нам в детский дом прислали нового директора – Карсунскую Зинаиду Ивановну.

Во время войны было холодно, голодно. Появились чесотка, вши,

клопы, крысы. Нас всех постригли наголо. Белье утюгом прожаривали... Из санитарной эпидемстанции приносили мор для крыс.

Из-за холода мы ходили весь день одетыми. Кормили нас по военным годам хорошо. Варили щи из крапивы, свекольной ботвы, кашу пшеничную, очень жидкую. Хлеб давали чистый, без всяких примесей. Много ели травы...

Электрического света не было. Пользовались керосиновыми лампами. Одна лампа на группу. По каждому предмету был один учебник. Воспитательница читала, а мы пересказывали. Писали на брошюрах, тетрадей не было. Чернила были в чернилницах-непроливайках, зимой оно замерзало. Ставили чернилницы в печки, чтобы чернила оттаяло.

Много работали в полях, на огородах. Подъем в пять часов. Шли на колхозное поле. Пололи пшеницу, рожь, просо. И два раза в день ходили на свой участок. На участке сажали огурцы, капусту, помидоры, картофель. Пропалывали, рыхлили, поливали, окучивали. Все делали, чтобы вырастить урожай. Жали серпами, вязали в снопы, молотили цепами.

Когда все полевые работы заканчивались, был большой праздник, он назывался «Пожинки». К празднику готовился литературный монтаж, разучивали стихи, песни, пляски. Лучшим ребятам давали премии. А угощение было прекрасное: яичница на молоке, какао, пироги. Поварам помогала готовить тетя Саня Сахарова (кастелянша).

В 1942 году на двух бортовых машинах привезли детей из Ленинграда. Дети были очень худые – кости да кожа. На рукаве у каждого была нашта белая тряпочка, где написаны данные: имя, фамилия, год рождения. Открылся третий детский дом...»

О прибытии детей из блокадного Ленинграда вспоминает А. Антошева: «Весть о прибытии детей из блокадного Ленинграда облетела Карсун. И на площади около средней школы собралось много народу. Привезли детей, еле живых от холода и страха. Из 48 прибывших детей пять или шесть человек были школьного возраста, остальные – от трех до семи лет, маленкие, со сморщенными лицами и страшно усталыми глазами старички. Они, казалось, были равнодушны ко всем, они словно не замечали людей,

которые стояли рядом и плакали.

В тот раз детей из Ленинграда эвакуировали по Ладоге на трех баржах. И вот на полпути к берегу началась бомбежка. Страшный рев моторов, грохот разрывающихся бомб, поднимающиеся столбы воды... Когда самолеты ушли, и дети стали приходить в себя, оказалось, что осталась только одна баржа...».

Страх голода долго не оставлял детей. После войны, уже в 1950-е годы, директор детского дома Евдокия Петровна Федорова пыталась побороть привычку воспитанников впрок запастись хлебом. Она приводила их на склад, показывала мешки с мукой и крупой, убеждала, что голод им не грозит, но и это не помогало...

Но вернемся в 1940-е годы. Во всех письмах воспитанников военных лет звучат слова благодарности в адрес женщины, заменившей им родную мать.

«В детдом попадали дети всякие и даже из колоний. Что мы пережили – трудно описать. Мальчишки нам вообще житья никакого не давали. Подробно не буду описывать, так как это очень долго. Одно только напишу, что я фактически после школы жила под кроватью. Забывалась в самый дальний угол. Дисциплины не было никакой. И вот в такое время к нам прислали Зинаиду Ивановну. Сначала она присматривалась ко всем, а потом узнаем, что всех отпетых хулиганов от нас убрали и отправили в детскую колонию. Вот с этих дней началось наше счастливое детство. Зинаида Ивановна была строгая, но душевная. Настоящий педагог. Как она все хорошо организовала! Нам приобрели коров, овец, свиней, и лошади у нас были свои. Был большой приусадебный участок. И начали нас

приучать к труду...» (Без подписи.)

Вот такая «Педагогическая поэма»! А это письмо – из Ульяновска, от Раисы Юхиной, мечтавшей поначалу о побеге из детского дома.

«Скоро я стала забывать свою мечту о побеге. Жизнь д/дома увлекла меня... Сама жизнь воспитывала нас, без нотаций и давления со стороны взрослых. Мы любили работать на своем участке. Этот труд приносил нам радость, моральное удовлетворение, давал здоровье. После, когда мы стали взрослыми, мы поняли, что все это – заслуга нашей дорогой и любимой мамы *Зины*.

Как она умела дарить нам добро. Мы ложились спать – она была с нами, вставали – опять с нами. Когда отдыхала – мы до сих пор не знаем. А ведь у нее было четверо племянников.

Из всех наших работ больше всех мы любили сенокос. Любила и Зинаида Ивановна. Вместе с нами она и работала, и смеялась, и радовалась, когда перед самым дождем мы успевали закончить метать стог... Никакого транспорта у нас не было, всегда ходили пешком. Любо было босыми ногами шлепать по лужам, чтобы брызги во все стороны летели. Мокрые, счастливые и здоровые возвращались мы домой.

Долго оставался детдом нашим домом. Куда бы ни уезжали, всегда возвращались домой. Знали, что нас встретят с радостью. Порой таких гостей набиралось до 30 человек. Как З.И. обходила закон? А нас надо было кормить! Она нас еще одевала, провожала с пирогами и конфетами. Учась в техникуме после училища, я к Новому году получала *свой подарок*.

Наше детство было и озорное. Любили мы в летнее время делать набег

на овощи-фрукты... Позли на животе, впереди – разведчики, а остальные – за ними, 5-7 человек. Если поход удавался, радости не было предела. До утра уничтожали свой улов.

Жалоб было много на нас, но Зинаида Ивановна нас всегда защищала. По-матерински проругает нас, но не наказывала, понимала, что нам нужны овощи для роста, для здоровья».

Воспитанница детского дома Галина Львовна сама стала педагогом и много лет проработала здесь же. Подопечные любили ее, как родную мать. Об этом свидетельствуют многие письма, в том числе воспоминания Анатолия Пахалина: «...бегали мы по Карсуну, пока ноги носили, да приносили Вам, Галина Львовна, и всем взрослым массу огорчений. Только сейчас, когда прошло столько времени, начинаешь перебирать в памяти все то далекое и родное до боли, что невольно слезы застилают глаза. Самые лучшие годы были тогда, и я бы не пожелал иного – уверяю Вас!

Какое у меня было трудное детство после детдома, что и не опишешь, и казались раем те годы, проведенные под крышей нашего дома, при Вашей заботе, Галина Львовна, директора Зинаиды Ивановны, тети Дуси, санитарки в изоляторе, где я лежал два раза (она еще песню какую-то пела про аптекаря и Дуняшу) – заботе всех тех, кто мыл, кормил, обстирывал нас, кто был с нами рядом! Все были по-своему добры к нам и внимательны. Да разве можно забыть эти годы, Галина Львовна! Самое доброе, самое нужное в жизни дали нам вы все, и всем хорошим и человечным мы обязаны вам – в большом долгу мы у вас. Спасибо и низкий поклон до земли».

Анатолий Пахалин

Надежда Николаевна и Анна Николаевна с воспитанниками